

Дмитрий Бертман: «Геликон» — плод преданной дружбы и фанатичной любви к искусству

Московский Государственный театр оперы и балета «Геликон» открыл очередной сезон. От сезона к сезону, от одной постановки к другой молодой коллектив приобретает все большую популярность, апогея которой достиг в прошлом году, когда на его сцене прошла премьера «Аиды» Верди. Восторги одних соседствовали со скепсисом других, но ясно было одно: спектакль «Геликона» стал одним из самых ярких событий музыкальной жизни Москвы. Великолепные голоса молодых солистов театра (все без исключения талантливы), работа оркестра под управлением Кирилла Тихонова и хора под руководством Татьяны Громовой, весьма необычное для этой помпезной оперы художественное решение и, главное, смелая и оригинальная режиссура Дмитрия Бертмана - в совокупности дали интересный результат. Не успели поклонники театра «остыть» от Верди, как «Геликон» выдал новую премьеру - «Летучую мышь» Штрауса, снова в оригинальной трактовке. Художественный руководитель Большого театра Владимир Васильев, например, под впечатлением геликонской версии сказал, что будет пересматривать свою «Травиату». Впрочем, оценки профессионалов еще впереди, а публика и этот спектакль приняла на «ура». Перед началом «Летучей мыши» буквально на несколько минут удалось «перехватить» Дмитрия Бертмана для интервью...

- Дмитрий Александрович, вы, наверное, самый молодой оперный режиссер? Вашему театру уже 7 лет, а вам всего 28. Правда, что чуть ли не в младенческом возрасте вы пришли к маститому дирижеру Кириллу Тихонову, чтобы убедить его создать новый оперный театр?

- Что-то такое было. Кирилл Тихонов стоял у истоков «Гели-

кона». Вообще-то театр запал мне в душу еще раньше. В 4 года мама первый раз повела меня в театр на сказку «Зайка-заяйка». Потом за кулисами я увидел, что в этом спектакле Бабу-Ягу играет наш знакомый артист. Совершенно перестал верить сказкам, но влюбился в эту «чудовищную» вещь - театр, «заболел» им. И все свои школьные годы почти каждый вечер проводил там или в консерватории. С детства меня приобщали и к музыке, закончил музыкальную школу. Поэтому особенно любил оперу - жанр более масштабный, чем драма, синтетический. Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко (он был более доступным) стал моим вторым домом, ходил на репетиции, тогда еще главным режиссером там был Лев Дмитриевич Михайлов. Ближе к окончанию школы у меня было уже две страсти - театр и химия, которой тоже увлекался не на шутку. Но театр победил. Теперь-то я понял, что между ними много общего...

- Синтез?

- Скажем, так: смешивание разных реактивов. Это вещь, замешанная на реакциях.

- Первая ступенька к мечте - ГИТИС?

- Пробный шар закинул еще в 9-м классе. Прошел на актерский к профессору Оскару Яковлевичу Ремезу, но без аттестата в институт не взяли. На следующий год уже решил податься на режиссерский. И тут произошло чудо. Прошел. На обсуждении говорили, что у меня много недостатков, главный - возраст, отсутствие опыта. И все же попал на курс Георгия Павловича Ансимова, у которого и проучился пять лет, потом аспирантуру закончил. В этом году вместе с Матвеем Абрамовичем Ошеровским я впервые набрал курс режиссеров музыкального театра. В Швейцарии уже 4 года преподаю, 5 раз в год выезжаю в Берн на мастер-классы «Актерское мастерство для певцов» -

систему Станиславского и искусство Шалапина читаю. Так что уже передаю опыт молодежи...

- Ну вы еще и сам «молодежь». Лучше о своем «Геликоне» подробнее расскажите.

- Сначала я как бы абстрактно думал о Театре, каким бы хотел его видеть. Для меня оперный театр - институт репетиции человеческой жизни, человеческой души. В опере всегда привлекало не столько качественное пение и звучание, а важно было, во имя чего это сделано,

как воздействует музыка на слушателя. В институте я был традиционен, даже больше других студентов на нашем курсе. Мало было максимализма, ничего не пытался ломать и создавать. К диплому подошел с пятью постановками в разных театрах.

А «Геликон» родился сам по себе. Сделали с моими друзьями спектакль «Мавра», вне какого-либо театра, а потом уже не могли расстаться. Сергей Яковлев, Катя Мельникова, Наташа Арутюнова и другие ребята стояли у истоков будущего

«Геликона», который мог родиться только благодаря фанатической любви к искусству и преданной дружбе.

- Театр не только творчество, еще и материальная база...

- Это, как оказалось, и есть самое сложное. Идеи приходят сами по себе, а «строить» театр куда как труднее. Мы начинали с «нуля». Честно скажу, страшный был период. Хотя многие считают, что мне везет. Отец - директор ДК медиков, сцена готовая. На деле все сложнее. Наверное, за историю советской власти «Геликон» второй оперный театр в Москве после Камерного театра Бориса Покровского, который «выжил». Не считая, конечно, главных - Большого театра и Музыкального на Пушкинской. После нас уже возникла «Новая опера».

- Но кто все же помог? В правительстве кто-то вас поддержал?

- Переход в статус государственного только три года назад произошел. Раньше мы работали на деньги спонсоров, сами зарабатывали за рубежом, записывали компакт-диски. Случиться это могло только при Лужкове. Нас очень поддержал Борис Покровский, написал в правительство письмо. Очень помогли Елена Образцова и Альгис Жюрайтис, Союз композиторов России. Многие коллеги, кстати, не поддерживали. Сейчас я вижу, что это норма, а тогда переживал сильно...

- Конечно, кому нужны конкуренты...

- Да никакие мы не конкуренты. Занимаем чистую экологическую нишу. Такого направления сейчас нет ни у кого...

- Вот и расскажите немного о вашей концепции.

- Она меняется. Сначала исполняли редкие произведения, которые были не на слуху, мы их как бы «открывали» для россий-

ского зрителя. «Магдалена» Прокофьева, «Мавра» Стравинского, «Скрипка Ротшильда» Флейшмана, «Туда и обратно» Хиндемита, «Голос человеческий» Пуленка.

- Прямо скажем, не хиты.

- Зато сейчас в нашем репертуаре одни хиты. Но самое смешное, что их можно услышать только в «Геликоне». «Аида» нигде в Москве не идет, «Кармен» - то же самое. Мы берем как бы традиционный репертуар, но решаем его так, как, убежден, полагается решать сегодня. Не реставрируя то, что было раньше. На то это и классика, гениальная классика, что бы она жила во все времена. А мы глазами людей конца XX века смотрим на нее и пытаемся раскрывать с новых сторон.

- Мне кажется, что взгляд ваш немного ироничный. Я не права?

- Нет. Может быть, в «Летучей мыши» ирония проглядывает. Но «Пиковая дама» или «Аида»? Нет, все очень серьезно. Если «Аида» идет больше трех раз подряд, артисты жалуются, что устают от этого «концлагеря».

- Две постановки в сезон - не накладно в наши-то времена? «Аида» и «Летучая мышь», например. Чувствуется, дорогие спектакли.

- Дорогие, не спорю. Нас доверяет Комитет по культуре, а основное - ловкость и профессионализм нашей администрации, как эти средства «обернуть» в дело, а не в пустоту. И это реально. При умном планировании и мудром использовании средств можно делать дело. Их, конечно, недостаточно, но для чего фантазия существует? Впрочем, секретов раскрывать не буду. Нам тяжелее, чем академическим театрам, у них есть материальная база: пошивочные мастерские, костюмерные, «подбор». Мы вот сделали ремонт в долг, и от департамента по культуре выговор получили. Но не унываем, выкрутимся как-нибудь.

- Прошлогодние премьеры вызвали широкий резонанс в прессе, интерес публики. Казалось бы, можно немало и отдохнуть. А вы снова что-то затеываете. Опять две премьеры?

- Три, нет - четыре. «Евгений Онегин», «Риголетто» и «Кофейная кантата» Баха для Малого зала, которую будем делать в первую очередь. Это будет интересный спектакль. Еще одна премьера, «Кладоискатели» Шрекера, пойдет в Германии. Наша труппа поедет туда, потому что мы не получили авторское право на показ здесь.

- Такая тенденция у вас, что ли, делать по несколько премьер в год? Какой же будет репертуар?

- Кладезь гениальных опер неисчерпаем, и хочется ставить без конца. Каждый день поступают предложения. Особенно после «Пиковой дамы» и двух последних постановок - прямо прорыв какой-то. Вот сейчас я еду ставить два спектакля в Ирландии, за месяц - «Богему» и «Онегину». Запланирована постановка «Пиковой» в Вене с нашими солистами, «Риголетто» в Германии. Следующим летом отправимся туда на гастроль...

- Какой спектакль вы считаете абсолютной удачей или, скажем, любимым?

- Каждый спектакль - кусочек жизни, взаимоотношение с артистами, встречи и расставания. Каждый - история. И все же любимый - следующий. Сегодня я лег спать в 8 утра, потому что мы ночью с художниками работали над «Евгением Онегиным», но уже помаленьку делаем наметки на «Риголетто»...

В этот момент прозвенел третий звонок, режиссер пообещал продолжить интервью в антракте, но времени выкроить не смог. А наутро Дмитрий Бертман улетел в Ирландию. Так что продолжение следует.

Ирина ШВЕДОВА.

На снимке: Дмитрий БЕРТМАН.